

ПРЕДИСЛОВИЕ

О Пушкине написано столько книг, что многотомная «пушкиниана» может по объему составить хорошую библиотеку. Начиная с первых биографов поэта, П.В. Анненкова и П.И. Бартенева, армия пушкиноведов изучает каждый шаг Пушкина, каждое его слово, каждое движение пера, каждый порыв его многообразной и удивительно богатой чувствами души. Такая неординарная личность не может не вызвать желания ближе познакомиться с его жизнью, в том числе и интимной, в которой нашли место все оттенки богатейших духовных, эмоциональных и творческих сил.

Но среди всего многообразия литературы, написанной по поводу поэта, очень мало работ, где исследовалась личность Пушкина с психологической точки зрения. Конечно, в разное время и разными авторами отмечалась особая психологическая глубина лирики великого русского поэта, исследовались разнообразные аспекты его творчества, подчеркивалась необыкновенная сложность и противоречивость его душевного склада. На основе воспоминаний, писем, дневников самого Пушкина и его современников создавались подробнейшие биографии и хронологии его жизни, расписанные чуть ли не по дням.

Спрашивается, зачем нужна еще одна книга? Что нового в ней найдет искушенный читатель? Каких-то особенных открытий в ней явно нет. Новым является подход к освещению чувственной жизни поэта, которая играла значительную, если не основную роль в его жизни.

Уже стал аксиомой тот факт, что сексуальное влечение имеет огромное значение в формировании характера человека и подчас определяет все его жизненное поведение, его творческие способности и эмоциональную структуру психики. У обычных людей сексуальные подсознательные инстинкты не так ярко выражены. У личностей неординарных, выдающихся своими способностями и творческим потенциалом, а

тем более гениев, эротическая составляющая психики является основной направляющей силой многих их поступков, мыслей, чувств и идей.

Задача настоящей работы — проследить путь формирования исключительной пушкинской чувственности, открыть ее истоки, проследить историю пушкинских увлечений, проанализировать те сознательные и подсознательные структуры пушкинской психики, которые сформировали необычный эротический феномен, может быть единственный во всей русской культуре.

Чувственный мир Пушкина был очень богат; женская красота постоянно привлекала его внимание. «Не подлежит спору, что в эротическом отношении Пушкин был одарен значительно выше среднего уровня, — писал П.К. Губер в книге «Донжуанский список Пушкина». — Он был гениален в любви, быть может не меньше, чем в поэзии. Его чувственность, его пристрастие к женской красоте бросались в глаза. Но одни видели только низменную сторону его природы. Другим удалось заметить, как лицо полубога выступало за маской фавна». Такое необычное поведение поэта, его страстная натура, удивлявшая многих его современников, имела свои основы в глубоких подсознательных структурах его психики.

Тщательное и профессиональное психологическое исследование душевной жизни Пушкина еще впереди. В предлагаемой вашему вниманию книге я попытался привлечь психоанализ, как одно из ведущих направлений в мировой психологии, чтобы сделать попытку понять причины такой необычайной эротичности великого поэта. Не претендуя на научность данной книги, я попытался создать как бы биографию интимной жизни Пушкина, рассматривая ее сквозь призму психоанализа, используя теорию и практику его, изложенную в работах Зигмунда Фрейда, Вильгельма Райха и Александра Лоуэна.

Сравнивая психоаналитические типы различных человеческих характеров с главными чертами личности поэта и особенностями его поведения, я пришел к некоторым интересным выводам, которые помогут правильно понять развитие его любовной жизни.

Психоаналитический подход основывается на теории Фрейда о наличии в структуре психики человека так называемого «либидо», некоей «меняющейся количественной силы, которая может измерять все процессы и превращения в области сексуального возбуждения». Разная степень сексуальной энергии «либидо» приводит к формированию определенного

типа человеческого характера. А так как в «либидо» подкачиваются из бессознательной части психики первичные сексуальные и агрессивные инстинкты, то психоанализ считает, что в основе сексуального поведения лежат мотивы инцеста, т.е. сексуальных связей с кровными родственниками.

В психике каждого человека формируется т.н. «эдипов» комплекс, который устанавливает подсознательный запрет на половой контакт с матерью и убийство отца (обычай первобытной орды). «Эдипов» комплекс является основой первичных сексуальных фиксаций ребенка, а в дальнейшем руководит выбором сексуального объекта в зрелом возрасте. Первичные сексуальные влечения обычно обращены на родителей или близких, окружающих ребенка с первых лет его жизни. Затем, когда наступает пора половой зрелости, сексуальная направленность переходит на других людей. Однако в определенных случаях «инцестуальные» образы детства накладывают сильный отпечаток на эротическое поведение человека. В этом случае возникают некоторые отклонения от нормального поведения. По мнению Фрейда, именно эти противоречия между детскими сексуальными фиксациями и половой жизнью взрослых, т.е. противоречия «эдипова» комплекса, составляют основу различных неврозов, особенно на сексуальной почве.

В настоящей книге показано, что необыкновенная сексуальная энергия поэта имела своим источником сильный «инцестуальный» запрет на любовь из-за недостатка нежности со стороны родителей в детском и юношеском возрасте. Все те женские образы, на которые был направлен сексуальный выбор поэта, представляли собой в той или иной мере некоторый прообраз матери, няни или сестры — объекты детских сексуальных фиксаций. Именно «инцестуальные» запреты легли в основу необыкновенной «эротичности» Пушкина.

В этой книге я попытаюсь не только выявить ее причины, используя элементы психоанализа, но также расскажу о всех женщинах, сыгравших в его жизни замечательную роль, о всех музах и вдохновительницах его прекрасной поэзии, об их непростых сердечных и сексуальных взаимоотношениях с Пушкиным без замалчивания и прикрас, как бы создавая своеобразную любовную биографию поэта.

Должен отметить, что сфера интимной жизни любого человека всегда завуалирована и известна лишь узкому кругу близких ему людей. Пушкин не был исключением из этого правила. И хотя существуют множество свидетельств современни-

ков о его связях с женщинами, хотя в руках исследователей находятся колоссальное лирическое и эпистолярное наследие самого поэта, письма его друзей и знакомых, отыскать истину, составить верное представление о взаимоотношениях поэта со «слабым полом» чрезвычайно трудная задача. Нужно учесть, что мало кто из современников был объективным или же хорошо информированным, рассказывая о любовных делах Пушкина. Даже сам поэт не всегда искренно выражал свои мысли и желания, хотя, надо отдать ему должное, он никогда не лицемерил и не был ханжой.

Мы часто оцениваем великих художников с позиций мещанской морали, и, подчас, с самыми благими намерениями, искажаем их облик, превращаем живого человека со всеми его недостатками, а иногда и пороками, в сентиментально-благородного театрального героя, обладающего возвышенной душой и соблюдающего все 10 библейских заповедей. Говоря о личной жизни Пушкина, показывая его таким, каким он был на самом деле, я не стремлюсь опорочить его в ваших глазах. Мне хочется обнажить скрытые причины творческого вдохновения поэта, толкнувшие его на создание непревзойденных образцов любовной лирики, показать развитие и формирование его чувственной сферы. Ведь любви в жизни каждого человека принадлежит особое место.

Как сказал Роберт Бернс: «Любви не знавший дуралей достоин сожаленья». Но у разных людей любовь проявляется по-разному. Петрарка, один раз увидев Лауру, затем всю свою жизнь и всю свою поэзию отдал этой страсти. У Пушкина все было иначе. Он много раз влюблялся, и каждый раз под вдохновенным пером поэта рождались глубоко лирические и музыкальные строки, нежные и страстные, возвышенные и чувственные, печальные и задорные, сентиментальные и флиртующие.

Мы не должны при этом придавать термину «эротизм» какое-то негативное звучание. Наоборот «эротизм», т.е. необыкновенная чувственность Пушкина, явился неотъемлемой частью его литературного гения, который сформировался, пусть частично, как результат проникновения бессознательных, инстинктивных сексуальных возбуждений в сферу его сознательной жизни. Конечно, в основе творческих процессов лежат не только сексуальные мотивы, однако само название моей работы предполагает освещение именно интимных сторон жизни великого поэта.

Может быть, читатель сочтет эту книгу несколько однобокой и тенденциозной. В этом есть доля правды. Но именно

к этому я и стремился — показать в хронологической последовательности весь жизненный путь поэта в сфере его интимных отношений и, в некотором роде, создать психоаналитический портрет человека, чьи высочайшие сексуальные таланты поставили его в один ряд с таким великим соблазнителем, как Казанова.

Моя работа ни в коей мере не претендует на научность, но если она вызовет интерес к жизни поэта, заставит задуматься над многими скрытыми причинами человеческих поступков, побудит читателей подробнее ознакомиться с жизнью и творчеством Пушкина, то я буду считать свою задачу выполненной.

В заключение хочу привести слова барона М.А. Корфа: «... тот, кто даже и теперь еще отважился бы раскрыть перед публикой моральную жизнь Пушкина, был бы почтен чуть ли не врагом отечества и отечественной славы. Все, или очень многие, знают эту жизнь; но все так привыкли смотреть на лицо Пушкина через призматический блеск его литературного величия, и мы так еще к нему близки, что всяк, кто решился бы сказать дурное слово о человеке, навлечет на себя укор в неуважении или зависти к поэту».

Я люблю Пушкина, и поэтому считаю, что любые черты, или даже черточки его личной и интимной жизни, какими бы неприятными они не казались, все же дополняют образ поэта, делают его более близким нам, его далеким потомкам и почитателям.

Глава I

«Могу ль на красоту взирать без умиления...»

(Психоанализ характера)

1

Для понимания истоков необыкновенного эротизма поэта необходимо провести анализ его характера, который, как мы уже говорили, тесно связан с его «либидо». Как известно из психоанализа, характер человека является комплексом настроений, с которыми личность противостоит жизненным ситуациям. Далеко не всегда, считает А. Лоуэн, характер отражает объективную реальность, но самое главное в характере то, что он является типичной моделью поведения. С другой стороны, структура характера является единственной формой, в которой всегда функционируют первобытные инстинкты, концентрирующие энергию «либидо».

Структуру характера, по мнению психоаналитиков, можно определить по множеству деталей каждодневного поведения человека. Ее можно вывести из телосложения, телодвижений, поступков и манеры самовыражения. Поэтому в данной главе я попробую на основе анализа оценок характера Пушкина его современниками, друзьями и родными, определить тип характера поэта и его основные структурные элементы, в частности его сексуальные влечения и связанную с ними самолюбивую гордость.

По оценкам современников, характер у Пушкина был страстный, вспыльчивый, порывистый. Он любил карточную игру, был азартен и искал сильных ощущений, особенно в молодости. «Пушкин справедливо говорил мне однажды, — писал в своем дневнике А.Н. Вульф, — что страсть к игре есть самая сильная из страстей». Ум у поэта был злой и насмешливый, тем не менее все знавшие Пушкина считали его образцовым другом. В обществе поэт привлекал к себе обходительным обращением, и если с кем-то подружился, то всегда проявлял дружеские чувства. «Отличительною чертою Пушкина была память сердца; — вспоминал его друг С.А. Соболевский, — он

любил старых знакомых и был благодарен за оказанную ему дружбу — особенно тем, которые любили в нем его личность, а не его знаменитость; он ценил добрые советы, данные ему вовремя, не в перебор первым порывам горячности, проведенные рассудительно и основанные не на общих местах, а соответственно с светскими мнениями о том, что есть честь, и о том, что называется честью».

Очень чувствительный к своей родословной, себялюбивый, Пушкин постоянно обижался на тех людей, которые не признавали в нем светского человека. Если он был в центре внимания, если шла обычная беседа, не затрагивающая чувствительные струны поэта, то он казался ровным, веселым, остроумным собеседником, блистающий, как и его отец, и дядя, каскадом шуток, острог, умных и парадоксальных рассуждений. Но стоило кому-нибудь задеть поэта, посмеяться над ним или просто не обратить на него достаточного внимания, как Пушкин резко менялся. Язвительность, пренебрежение сквозили в его дальнейшем отношении к человеку. На прогневившего его бедолагу обрушивались язвительные или уничижительные эпиграммы. Сам любящий посмеяться и подшутить над окружающими его, Пушкин не выносил того же от других.

Пушкин был противоречив в своих поступках и привязанности. Эту черту его верно отметил П.А. Плетнев: «Общество, особенно, где он бывал редко, почти всегда приводило его в замешательство, и от того оставался он молчалив и как бы недоволен чем-нибудь. Он не мог оставаться там долго. Прямодушие, также отличительная черта характера его, подстрекало к свободному выражению мысли, а робость противодействовала...

Собою не владел он только при таких обстоятельствах, от которых все должно было обрушиться на него лично. Он почти не умел распоряжаться ни временем своим, ни другою собственностью. Иногда можно было подумать, что он без характера: так он слабо уступал мгновенно силе обстоятельств. Между тем ни за что он столько не уважал другого, как за характер... Пылкость его души и слияние с ясностью ума образовала из него это необыкновенное, даже странное существо, в котором все качества приняли вид крайностей». Эти крайности не только вызывали неприязнь его врагов, но и мягкое осуждение друзей.

«При всем своем добросердечии, — отмечал один из лучших друзей поэта, князь П.А. Вяземский, — он был довольно злопамятен, и не столько по врожденному свойству и увлечению, сколько по расчету; он, так сказать, вменял себе обя-

занность, поставил себе на правило помнить зло и не спускать должникам своим. Кто был в долгу у него, или кого почитал он, что в долгу, тот, рано или поздно, расплачивался, волею или неволею».

Психика Пушкина уже с детства носила неустойчивый характер. Он мог легко от веселья перейти к крайнему раздражению, и, наоборот, после милой и остроумной беседы наброситься на обидчика с резким выпадом, доходящим до дуэли. Иван Пущин, которого поэт называл: «Мой первый друг, мой друг бесценный», вспоминал о лицейских годах: «Случалось точно удивляться переходам в нем: видишь, бывало, его поглощенным не по летам в думы и чтения, и тут же внезапно оставляет занятия, входит в какой-то припадок бешенства».

Постоянную смену настроения, можно сказать, двойственность душевного состояния поэта отмечали многие его современники. Один из литературных друзей его, барон Е.Ф. Розен, писал: «Пушкин был характера весьма серьезного и склонен, как Байрон, к мрачной душевной грусти, чтоб умерять, уравновешивать эту грусть, он чувствовал потребность смеха; ему не надобно было причины, нужна была только придирка к смеху! В ярком смехе его почти всегда мне слышалось нечто насильственное, и будто бы ему самому при этом невесело на душе». Другой современник поэта вспоминал: «Даже во среди множества людей нельзя было не заметить Пушкина: по уму в глазах, по выражению лица, высказывающему какую-то решимость характера, по едва ли унимаемой природной живости, какого-то внутреннего беспокойства, по проявлению с трудом сдерживаемых страстей».

После выхода из Лицея Пушкин поражал светское общество различными выходками: долгое время после болезни ходил обритый и в ермолке, иногда надевал парик, который снимал в разных местах и обмахивался как веером, привлекая, тем самым, всеобщее внимание. Он начал отращивать длинные ногти — предмет его гордости и постоянной заботы. Постоянно эпатировал высшее общество своей грубостью, ссорился со многими его представителями, имея частые дуэли, которые заканчивались вполне благополучно. Современник поэта И.П. Липранди правильно заметил основную психологическую черту Пушкина: «Самолюбие его было без пределов: он ни в чем не хотел отставать от других... Словом и во всем обнаруживалась африканская кровь его».

Не уступавший никому Пушкин готов был за малейшее неосторожное слово или косой взгляд, отплатить эпиграммой

или вызовом на дуэль. «Пушкин всякий день имеет дуэли, — писала Екатерина Николаевна Карамзина князю Вяземскому незадолго до ссылки поэта на Юг, — благодаря бога они не смертоносны, бойцы всегда остаются невредимы». Дуэли сопровождали Пушкина всю жизнь. Нервический характер его, буйство страстей и огромное самолюбие не останавливали его перед опасностью. Поэт постоянно задибался, не вникая в советы друзей, не интересуясь умением противника стрелять и, не особо ценя собственную жизнь. По этому поведению Пушкина можно сделать вывод о беспокойной, порывистой природе гения, который не находит в себе центра тяжести между противоположностями того психического дуализма, который свойственен человеку.

Почти каждое движение его было страстное, порывистое, неопределенное от избытка жизненной силы его существа, которой он еще более пленял и увлекал своих современников, нежели своими сочинениями. Из страстей Пушкина, как писал один из современников поэта, первая, и самая сильная — его чувственная и ревнивая любовь. Даже брак не спас его от страсти к чувственным наслаждениям и от ревности. «Эротизм» Пушкина был исключительным, и нельзя было винить поэта за столь настойчиво и постоянно проявляемую страсть, зато в ревности его не было никакого основания.

С годами его чувственность несколько смягчилась, но ревность постоянно терзала его, являясь спутником его влюбленностей. И если поэт переживал любовь, то почти всегда ревность портила прелесть отношений с возлюбленной. Сексуально страстные люди по большей части страдают и беспричинной ревностью. Поэт испытывал ее муки по всякому ничтожному поводу, а часто и без всякого повода. Так было и в его романах с графиней Е.К. Воронцовой, с Амалией Ризнич, А.П. Керн. С годами муки ревности не оставили его, но и усилились, когда женой его стала молодая прелестница — Наталья Гончарова.

Сестра Пушкина, Ольга Сергеевна Павлищева, писала в письме к мужу: «Брат говорил мне, что иногда чувствует себя самым несчастным существом — существом близким к сумасшествию, когда видит свою жену разговаривающей и танцующей на балах с красивыми молодыми людьми; уже одно прикосновение чужих мужских рук к ее руке причиняет ему приливы крови к голове, и тогда на него находит мысль, не дающая ему покоя, что жена его, оставаясь ему верной, может

изменять ему мысленно...». Вся семейная жизнь Пушкина — это история развития вечно возбужденной и мнительной ревности, результат которой так хорошо всем известен.

2

На основании всех известных сведений о манере поведения поэта и его основных чертах характера, можно сделать вывод, что с точки зрения психоаналитика характер поэта носил явно выраженный истерический тип. «Истерической можно назвать личность, — отмечает психоаналитик Отто Фенихель, — склонную вносить элемент сексуальности в любые, даже вовсе не сексуальные отношения, внушаемую, склонную к совершенно непредсказуемым эмоциональным взрывам, к хаотичному, нередко театральному поведению, драматизированию ситуаций».

На истерический тип поведения поэта психологически верно указал его ближайший друг и старший современник: «Нет сомнения, что все истории, возбуждаемые раздражительным характером Пушкина, его вспыльчивостью и гордостью, не выходили бы из ряда весьма обыкновенных, — отмечает П.А. Вяземский, — если б не было вокруг него столько людей... Его выходки много содействовали его популярности...»

Истерическому характеру, как отмечают многие психоаналитики, свойственна ярко выраженная гордость, которая к тому же является как бы ключом к самому характеру. Не менее гордости истерическому характеру свойственно и чувство глубокой обиды, что также отмечали все друзья и современники поэта. Любое не понравившееся поэту слово вызывало в нем взрыв негодования и крайнее недовольство. Иногда обиды и просто оскорбления были реальными. Пушкин резко переживал все это, преследовал своего обидчика, не оставляя его без наказания.

Но главная черта истерического характера — «эротизм» поведения в совокупности с сексуальной агрессивностью. Плотское начало было явно заметно во всех любовных стремлениях поэта. И это не удивительно. Говоря терминами психоанализа у Пушкина было мощнейшее «либидо», т.е. огромное количество подсознательной сексуальной энергии, увеличение или уменьшение которой объясняет все те психосексуальные феномены его интимной жизни, о которых я расскажу далее. Высокое пушкинское «либидо», доставшееся ему от его африканских предков, огромная энергия сексуального возбуждения

искала выход в сознательные формы своего проявления. Таими формами проявления «либидо» и явились: с одной стороны «эротизм» поэта, его постоянный поиск сексуального удовлетворения, а с другой стороны — процесс «сублимирования» эротической энергии, при котором, с точки зрения психоанализа, «исключительно сильным возбуждением, исходящим из отдельных источников сексуальности, открывается выход и применение в других областях, так что получается значительное повышение психической работоспособности». (З. Фрейд. «Очерки по психологии сексуальности»).

И если у большинства людей скрытое в бессознательном «либидо» проявляется в менее бурном темпераменте и сублимируется тем более в незначительные творческие потенции, то огромная сексуальная энергия поэта фактически сформировала его характер, взгляды на отношения полов, сопровождала его творчество. Рукописи Пушкина пестрят эротическими рисунками, сопровождающими варианты его стихов с перечеркнутыми строками. Целый сонм женских головок обрамляют колонки его четверостиший и, что особенно интересно, прелестные и стройные женские ножки постоянно присутствуют то здесь, то там, являясь, видимо, сильнейшим стимулом эротических фантазий поэта.

Сексуальная агрессия основана на мощной выработке психической энергии либидо. Именно эта энергия порождает эротизм, как внешнее выражение этой агрессии. Как отмечает крупнейший психоаналитик Вильгельм Райх в книге «Анализ характера», одной из основных черт истерического характера является «агрессивная отвага», зачастую помогающая добиться успеха. С другой стороны, такое «агрессивное поведение само играет роль защиты» от внешних психологических нагрузок.

Истерический характер, по мнению А. Лоуэна, все время находится в поиске все более глубоких чувств. Именно в этом состоят его желание и потребность, толкающие к флирту, к поиску все новых и новых романов, к внебрачным связям. С точки зрения психоанализа истерическому характеру легко увеличить выработку энергии «либидо»: это получается при любом возбуждении. Самый распространенный путь — через новую любовную связь. При этом возбуждение возрастает как следствие новых переживаний, а ощущение завоевания в новом романе приводит к росту сексуального заряда, увеличению жизненной активности и появлению чувства радости. Но поскольку с ростом заряда способность к разрядке вовсе не увеличивается, то энергия так или иначе должна вернуть-

ся на прежний уровень. Возбуждение падает, выработка энергии снижается, новизна нового романа исчезает, нужно искать следующий. Именно этот психический механизм, описанный психоаналитиком А. Лоуэном, лежал в основе всех бесконечных пушкинских увлечений. Пушкин не мог быть другим, и это он прекрасно понимал, подчас глубоко анализируя свои потаенные мысли и причины многих некрасивых поступков в своих письмах и особенно — в своих прекрасных лирических стихотворениях.

3

В 1826 году, возвратившись из ссылки, Пушкин написал, вернее даже не закончил, небольшую миниатюру, одно из немногих стихотворений, где он выражает истинные свои чувства и взгляды:

Каков я прежде был, таков и ныне я:
Беспечный, влюбчивый. Вы знаете, друзья,
Могу ль на красоту взирать без умиления,
Без робкой нежности и тайного волнения.

Пушкин сказал о себе правду. Ни у кого из поэтов не выражены с такой силой тоска по женской любви, так глубоко не описаны «муки и радости», причиняемые женской любовью. Любовные мотивы звучат в его поэзии постоянно. Уже десяти лет Саша Пушкин увлекся еще более юной Сонечкой Сушковой. Позднее он писал о своей «ранней» любви:

Подруга возраста златого,
Подруга красных детских лет,
Тебя ли вижу, взоров свет,
Друг сердца, милая?

Даже рукописи поэт не доверил своей нежной сердечной тайны. За «ранней» и «первой» любовью последовали в стремительном темпе вторая, третья и т.д. В одном из писем к княгине В.Ф. Вяземской поэт писал: «Натали, это, замечу в скобках, моя сто тринадцатая любовь». В своих дневниках Пушкин замечает: «Более или менее я был влюблен во всех хорошеньких женщин, которых знал. Все они изрядно надо мной посмеялись; все, за одним-единственным исключением, кокетничали со мной». Пушкин потерял счет своим увлечениям, то

глубоким и мучительным, то несерьезным и легкомысленным. Любовь к женскому телу, женской ласке, женскому обаянию была всегда верной спутницей его жизни до самой могилы. Иногда она оставляла его, но ненадолго, лишь для того, чтобы вспыхнуть с новой силой — «и сердце вновь горит и любит — оттого, что не любить оно не может» — писал Пушкин в самом проникновенном своем стихотворении.

Большинство увлечений поэта носило легкий и чисто сексуальный характер. И лишь некоторые заставляли трепетать его сердце, соединяя грубую чувственность с возвышенной поэзией. Вот что писал о нем его брат Лев Сергеевич: «Невзирая на обычную веселость, Пушкин предавался любви со всею ее задумчивостью, со всем ее унынием. Предметы страсти менялись в пылкой душе его, но сама страсть не оставляла». А княгиня Вера Федоровна Вяземская, большой друг поэта, которую он посвящал во все подробности своей интимной жизни, вспоминала: «Пушкин говаривал, что, как скоро ему понравится женщина, то уходя, или уезжая от нее, он долго продолжает быть мысленно с нею и в воображении увозит с собою, сажает ее в экипаж, предупреждает, что в таком-то месте будут толчки, одевает ей плечи, целует ей руки и т.д.».

«Пушкин очень любил легкий флирт, — отмечает П.К. Губер, — ни к чему не обязывающий обе стороны. Но когда ему не удавалось удержать нарождающееся чувство в должных границах, когда любовь приходила не на шутку, она обычно протекала, как тяжелая болезнь, сопровождаемая бурными пароксизмами. Ему нужно было физическое обладание, и он подчас готов был буквально сойти с ума в тех случаях, когда женщина оставалась недоступной».

Сколько их прошло через его руки, один бог знает? В колледжи Пушкина нашлось место и знатым дамам и крепостным актрисам, бесстыжим блудницам и совращенным девицам, мамашам под сорок лет и их юным дочерям, знакомым и малознакомым женщинам, родственницам, ветреным барышням, женам его лучших друзей и т.д. Постоянные любовные упражнения и, в особенности, частые посещения публичных домов привели к тому, что ко времени своей женитьбы он выглядел, по словам Полевого, «истощенным и увядшим»... Вот что пишет о моральном облике поэта барон М.А. Корф, лицейский товарищ Пушкина: «Начав еще в Лицее, он после, в свете, предавался всем возможным распутствам и проводил дни и ночи в непрерывной цепи вакханалий и оргий, с первыми и самыми отъявленными тогдашними повесами. Долж-

но удивляться, как здоровье и самый талант его выдерживали такой образ жизни, с которыми естественно сопрягались частые любовные болезни, низводившие его не раз на край могилы... У него были только две стихии: удовлетворение плотским страстям и поэзия, и в обеих он ушел далеко».

Немного резкое высказывание, и даже можно усомниться в его истинности. Но дадим слово самому поэту. Вот что он пишет в послании к Юрьеву:

Здорово, молодость и счастье,
Застольный кубок и бордель,
Где с громким смехом сладострастье
Ведет нас пьяных на постель.

Это написано в 1819 году. Пушкину двадцать лет. Через пять лет, в 1824 году в письме к своему тверскому приятелю и сотоварищу по любовным похождениям Алексею Вульффу он пишет:

Дни любви посвящены,
Ночью царствуют стаканы,
Мы же — то мертвецки пьяны,
То мертвецки влюблены.

В 1828 году, в почти тридцатилетнем возрасте, он признался в письме к Е.М. Хитрово: «Хотите, я буду совершенно откровенен? Может быть, я изящен и благовоспитан в моих писаниях, но сердце мое совершенно вульгарно и наклонности у меня вполне мещанские...» (август-октябрь, 1828 год).

«Вечно без копейки, вечно в долгах, — отмечал все тот же барон М.А. Корф, — иногда без порядочного фрака, с беспрестанными историями, с частыми дуэлями, в тесном знакомстве со всеми трактирщиками, б.... и девками, Пушкин представлял тип самого грязного разврата». Барон Корф был лицейским товарищем поэта, человеком чопорным и религиозным. Оценка его несколько резкая, но достаточно правдивая. Дело в том, что поведение Пушкина было самым обычным на фоне забав и разгула светской и гусарской «золотой» молодежи и полностью соответствовало его характеру. Агрессивный эротизм поэта можно полностью объяснить, используя исследования современного американского психоаналитика А. Лоуэна, изложенные в книге «Язык тела».

Мужчина с истерическим характером (по терминологии А. Лоуэна — фаллически-нарциссическим) считает себя половым гигантом, потому что способен за одну ночь иметь несколько коитусов и разрядок. Однако половая разрядка у него наступает быстрее, чем поступает энергия в пенис. Иными словами, истерик, не достигая максимума удовлетворения при оргазме, зачастую почти не получает наслаждения от своих сексуальных переживаний и усилий.

Именно по этой причине истерический мужчина стремится завоевать как можно больше женщин. «Поскольку сексуальное удовлетворение неполно, — тонко подмечает А. Лоуэн, — возникает ощущение недовольства именно данной партнершей и надежда — осознанная или бессознательная, — что с новой партнершей наслаждение будет сильнее и полнее. В приливе возбуждения, вызываемого процессом завоевания нового “объекта” и новыми взаимоотношениями, это действительно может произойти. Но как только исчезает новизна, возбуждение, а с ним и сексуальное наслаждение падает, все возвращается на круги своя, роман заканчивается. Процесс этот, проходящий на генитальном уровне, типичен. Фаллический мужчина, не находя полного удовлетворения ни на каком уровне деятельности, вынужден идти дальше по пути новых романов и завоеваний».

Отличительным свойством истерического характера является не только откровенная сексуальность поведения, но и особая телесная ловкость, также имеющая сексуальный оттенок. Как бы подтверждая это, П.В. Анненков описывает физическую структуру поэта следующим образом: «Физическая организация молодого Пушкина, крепкая, мускулистая и гибкая, была чрезвычайно развита гимнастическими упражнениями. Он славился как неутомимый ходок пешком, страстный охотник до купанья, до езды верхом, и отлично дрался на эспадронах, считаясь чуть ли не первым учеником известного фехтовального учителя Вальвиля».

Один из современников поэта, лицейский товарищ Пушкина, В.П. Горчаков в 1820 году дает аналогичную характеристику : «...молодой человек небольшого роста, но довольно плечистый и сильный, с быстрым и наблюдательным взором, необыкновенно живой в своих приемах, часто смеющийся в избытке непринужденной веселости, и вдруг неожиданно переходящий к думе, возбуждающей участие».

А вот как описывает одного своего пациента с фаллическим (истерическим) характером все тот же А. Лоуэн: « Он был